

ВОПРОСЫ ДИАЛЕКТОЛОГИИ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

2. Борисова О.Г. Кубанские говоры: материалы к словарю. Краснодар, 2005.

3. Будагов Р.А. О так называемом «промежуточном звене» в смысловом развитии слов // Сборник статей по языкознанию. М., 1958. С. 73 – 85.

4. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) : учеб. пособие для вузов / отв. ред. Г.А. Золотова. 3-е изд., испр. М. : Высш. шк., 1986.

5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1999. Т.4.

6. Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение. М. – Л., 1965.

7. Лыков А.Г. Асимметризм русского слова // Вопр. русистики. Избранное. Т. 2: Лексикология. Краснодар, 2003.

8. Малаховский Л.В. О процессах деомонимизации в английской лексике // Основные проблемы эволюции языка: материалы Всесоюз. конф. по общему языкознанию. Самарканд, 1966. Ч. 1. С. 178 – 181.

9. Русский говор Кубани: словарь / под ред. Е.П. Шейниной и Е.Ф. Тарасенковой. Краснодар, 1992. 414 с. Деп. в ИНИООН РАН 12. 11. 92. № 47266.

10. Словарь донских говоров Волгоградской области / под ред. проф. Р.И. Кудряшовой. Вып. 3. К – Н. Волгоград : Изд-во ВГИПК РО, 2007.

11. Словарь русских народных говоров. М. – Л., 1965–2007. Вып. 2, 13, 19, 25 (СРНГ).

12. Словарь русского языка : в 4 т. М., 1961. Т.4. (МАС).

13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. СПб., 1996. Т. 1 – 2.

14. Buysens E. Linguistique historique. Homonymie – stylistique – sémantique – changement phonétiques. Univ. libre de Brux., Travaux de la Faculté de Philosophie et Lettres. Bruxelles, 1965. T. XXVIII. P. 1 – 158.

Reflection of word's semantic bound in the practical lexicography (on the material of dialects in Kuban)

There is covered the issue of a word's semantic bound reflection in a regional dictionary. On the basis of the particular material there is shown that the semantic variation of a word in some cases leads to keeping of meanings identity, and in others – to their isolation. There is emphasized the importance of the individual approach to the lexicographic notion of each case of homogeneous and heterogeneous homonymy.

Key words: *word's semantic bound, homogeneous and heterogeneous homonyms, polysemants, lexical convergence, polysemy disintegration, semantic variation.*

А.Н. СМЕРНОВА
(Псков)

МНОЖЕСТВЕННОСТЬ НОМИНАЦИИ В ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКО- СЕМАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ (на материале лексики традиционного убранства крестьянского дома)

Рассматривается проблема множественности номинации в псковских народных говорах. Анализируются наименования полотенца как одно из концептуальных тематических объединений диалектной лексики, характеризующей внутреннее убранство крестьянского дома. Весь комплекс средств выражения неединичности номинации (однокорневые и разнокорневые синонимы, составные наименования, варианты слов) представлен в виде многоуровневой полевой модели.

Ключевые слова: *множественность номинации, наименования полотенца, диалектные синонимы, варианты, псковские говоры.*

Номинации, связанные с интерьером жилища, многочисленны по составу и предполагают классификацию, учитывающую функциональную принадлежность самих реалий. Согласно этому принципу выделяется шесть основных тематических групп номинативных единиц, содержащих лексемы и устойчивые сочетания, называющие функциональные зоны, предметы мебели, приспособления для хранения предметов культа, утварь, предметы временного размещения, изделия из ткани и другие предметы (рукомойники, осветительные приборы, зеркала и т.д.).

В данной статье остановимся на выявлении признака множественности номинации в диалектной лексической системе при рассмотрении наименований полотенца. Полотенца не только выполняли бытовые функции, но и использовались для праздничного убранства крестьянского жилища. Полотенце, наделенное символическим значением, было важным атрибутом свадебного, родинного, погребально-поминального ритуалов [10, с. 105]. Собранный лексический материал весьма объемный, поэтому обозначенную проблему мы рассмотрим на примерах из псковских народных говоров. Основными источни-

ками являются диалектный словарь [8] и карточка [3].

Явление множественности номинации реализуется в системе особого рода диалектной синонимии (как разнокорневой, так и однокорневой), а также на уровне варьирования формы одной и той же лексической единицы. В составе выделенных тематических групп наименований наблюдается преобладание тождественных синонимов, в связи с чем актуальным является вопрос о структурных типах синонимов. В дискуссии об однокорневых синонимах (словообразовательных параллелях), длящейся в течение уже нескольких десятилетий, мы присоединяемся к мнению Р.П. Рогожниковой, которая считает варианты слов и однокоренные разноаффиксные образования, соотносящиеся в значении, разнородными явлениями [9, с. 90]. Эта точка зрения стала доминирующей в лингвистической литературе, она отражена и в Псковском областном словаре [8].

Группа наименований полотенца организована иерархически, включает общие и частные номинации. В то же время наблюдается синкретизм наименований, а также способность одной лексемы выступать в качестве названия разных видов полотенца. В данной тематической группе выделяются несколько подгрупп лексических единиц, учитывающих функциональный признак реалии (функциональный признак вещи является ведущим как для традиционного крестьянского жилища, так и в динамической перспективе). Выявлены следующие подгруппы названий полотенца: 1) декоративные (вывешиваются по праздникам на стены, зеркала, фотографии), в том числе и сакральные (вывешиваются по праздникам для украшения икон); 2) хозяйственные (для накрывания выпеченного хлеба и пирогов); 3) гигиенические (для вытирания лица, рук). Сакральные и декоративные полотенца являются важным элементом внутреннего убранства, поскольку придают простому интерьеру избы символическую значимость и нарядность. Таким образом, в классификации прослеживается как иерархия типов предметов, обусловленная их назначением, так и проявление синкретизма (это касается не только собственно сакральных и декоративных, но и полотенца, используемых для накрывания хлеба). Сакральная функция пронизывала все типы полотенца и проявлялась не только в их использовании, но и в изготовлении.

Структура синонимических рядов определяется родовидовыми отношениями лексем и функциональной принадлежностью изделий. Слово *полотенце* является родовым наименованием (в ряде контекстов невозможно усмотреть признаки дифференциации) и вместе с тем используется как гипоним – для обозначения полотенца, имеющего определенное назначение. Соответственно второму положению выстраиваются синонимические ряды.

Перед свадьбой невеста должна была продемонстрировать приданое (занавески, полотенца), которое свидетельствовало об уровне ее мастерства. В псковской диалектной речи для наименования полотенца, используемого для украшения избы во время праздников и свадеб, употреблялись лексемы *вывеска*, *вытиральныйник*, *полотёнце* / *полотёнец*, *ручник* / *рушник*, *утиральныйник* и составное наименование *гвоздové полотёнце*. *Вывеской* называют большое льняное вышитое полотенце, которым украшают стены избы во время праздника, свадьбы: *Платёньми съёны увёшывьэли, салфётки вёшыли, завёсы, вывиски вёшыли* [8, вып. V, с. 127]. Высказывание содержит указание на синонимию *вывеска* – *полотёнце*. Лексеме *вытиральныйник* в словаре дано лишь общее толкование, не учитывающее особенностей изделия: *Старинные вытиральныйники – большие такие, дьматканные, с кружэвами, на съёны вёшали*. (Там же, с. 80); *Назывались гздавье палатёнца, на гздаям их вёшали ф празники* (Там же, с. 149); *Приданье на вярёфки вёшыим: утиральныйники, настели; Ручников было у невесты много развёшено; В невесты рушникú вышитые* [3].

Однако известно, что декоративные полотенца, изготавливаемые невестой для свадебного обряда, впоследствии использовались и для украшения икон. Так, А.А. Лебедева замечает, что во всех регионах России полотенца после свадебного обряда вешали на божницу, зеркало, стены только по большим праздникам: на Пасху, Троицу и другие престольные праздники. После праздника рушники убирали, поскольку они были очень богато украшенными, длинными (до семи метров), со свисающими концами, следовательно, не приспособленными для ежедневного использования в качестве декора в задымленной избе [6, с. 243].

Слову *полотёнце* в значении ‘полотенце для украшения икон’ в псковской диалектной речи тождественны по лексическому значению *завёска*, *набóжник* / *набóшник*, *набóжникек*,

ВОПРОСЫ ДИАЛЕКТОЛОГИИ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

*набрáзник, образн́ик, полотѣнце / полотѣнец, ручн́ик / рушн́ик, утирáльник : Г бóгу завѣски, на óкна – обвѣски. [8, вып. XI, с. 68]; Кто набóжник, а хто набрáзник назывáеть, палатѣнцэ, што висítь над икóнай. (Там же, вып. XIX, с. 219); **Набóжнички** вышивáли, кут уáрить; тóнкие, бѣлые, балхвóй звáлись нítки, купляли; чóрный да красн́ый (Там же); **Эть висít абразн́ик, вѣшаица** для украшѣния.; **Вон ручн́ик-ть** в бóльшым углу висí.; **У нас икóны е и рушн́икú** у икон е.; **Пастѣлю стíрать, утирáльники** на божн́ицу повѣсítь.; **Многа тóнкава натыкáли, палатѣнца** на икóны [3]. Контекст не всегда содержит данные, позволяющие четко определить назначение предметов, поэтому пояснение собирателя на карточке имеет определяющее значение для семантизации общего наименования *полотенце*, которое используется здесь не как родовое, а как видовое название (*вешали на образа, на иконы*).*

Наряду с лексемами удалось выявить составные наименования – *боговóй утирáльник, утирáльник образн́ой: Эта назывáлись рáньши багавы́е утирáльники* [8, вып. II, с. 68]; *Вон утирáльник образн́ой, а тапѣрь утирáниць – утирáльник звѣздавóй* [3].

Лексические единицы *вытирáльник, деря́га, личн́ик, образн́ик, полотѣнце / полотѣнец, ручн́ик, утирáльник* называют полотенце для вытирания лица. В ПОС дается толкование лексемы *вытирáльник* ‘полотенце’ без указания на его функциональное использование. Пример позволяет предположить, что слово называло полотенце для вытирания лица (или рук – в народном быту эти функции дифференцированы): *Вы́трись вытирáникъм* [8, вып. VI, с. 80]. *Деря́га* – ‘вещь, сделанная из низкосортной пряжи’: *Бывáла деря́гай такóй утирáлися, а сичás палатѣнца мя́ккии* (Там же, вып. IX, с. 52). Содержание цитаты указывает на различие предметов по качеству ткани. *Палатѣнце, катóрым лицó вытирáли, – личн́ик.* [3]. *Лицо-то потное – возьми ручн́ик, оботрися* [11, вып. IX, с. 284]. Собиратель диалектного материала дает лексеме *образн́ик* пояснение ‘полотенце для лица’: *Ткáли рáньшы абрáзники, я и самá адия́ла тка́ла. Полотѣнце – ‘полотенце для лица’: Патирóухъ грязная, вытирáй рúки пълатѣнцем* [3]. *Утирáльник – эть пълатѣнец* лицó утирáть (Там же).

В псковских говорах используются слова *вытирáльник, вытирáльничек, казѣнник, полотѣнце/полотѣнец, потирáха, ручн́ик /*

рушн́ик, ути́рка, утирáльник, утирáха в значении ‘полотенце для вытирания рук’. В ПОС дается толкование слова *вытирáльничек* ‘полотенце’ также без указания на функциональное назначение. Контекст позволяет предположить, что лексема используется в значении, объединяющем данный синонимический ряд слов: *Бярí вытирáльничек тут, вытирáть* [8, вып. VI, с. 80]. *Казѣнник – палатѣнцы: фсе им рúки вытирáют* (Там же, вып. XIII, с. 388); *Вот палатѣнца, вытирáй рúки* (Там же, вып. VI, с. 80); *Вытирáльником вытирáют рúки; Потирáхъ – эта ручнóй пълатѣнец; Вазьмí утирáльник и утри́ рúки; Утирáхъй рúки утирáим; Где ути́рка рúки аттерѣть?; Возьмí утирáльник и утри́ рúки* [3]. *Ручн́ик – ‘полотенце для рук’: Катóрый къла рукамо́йника – ручн́ик, а так – утирáльник нъзывáлся* (Там же).

Итак, множественность наименований характеризует все выделенные подгруппы названий полотенца в псковских говорах. О неединичности номинации данных реалий свидетельствуют и выявленные в исследовании новгородские и вологодские синонимические ряды. Однако нужно учитывать, что синонимия не во всех случаях является абсолютной, поскольку в диалектных словарях этнографическая лексика толкуется скупо, что и создает трудности для включения слова в ту или иную подгруппу номинаций.

Общерусская лексема *полотенце* входит в состав синонимических рядов, обозначающих наименования не только бытовых, но и декоративных (в том числе и сакральных) полотенец. Функционирование предмета отражается в названии, но лишь отчасти: лексемы *полотенце / полотенец, ручн́ик / рушн́ик, утирáльник* являются наименованиями в псковских говорах не только гигиенических полотенец, но и сакральных, а также декоративных. Данное положение о несоответствии между внутренней формой слова и его семантикой подтверждают и материалы соседних говоров. Так, лексемы *ручн́ик / рушн́ик* [11, вып. XXXV, с. 283–284] в новгородской и вологодской диалектной речи и новгородские слова *утирáшка* и *ути́рка* [7, вып. XI, с. 100] обозначают не только полотенца для вытирания рук, но и другие виды полотенец. Это приводит к функционированию одной лексической единицы в качестве члена синонимических рядов, имеющих различное значение. Только полотенца для украшения икон (*завеска, набожн́ик, набожн́ичек, набразн́ик*) имеют в псковских говорах

наименования, которые отмечены лишь в данной группе, что обусловлено сакральной символикой самих реалий.

Явление множественности в области номинации в говорах проявляется не только на уровне отдельных наименований, имеющих тождественное или близкое лексическое значение, но и в сфере формальной модификации слова. Б.А. Ларин, выделяя типы системных отношений в лексике псковских говоров, считает фонетико-морфологическую вариантность системным явлением [5, с. 255].

Обнаружены факты фонетической модификации, осложненные морфонологическими явлениями: *набóжник* – *набóшник* [8, вып. XIX, с. 219]; *ручн́ик* – *рушн́ик* [3]. Мена звонких и глухих согласных представлена в лексемах *набóжник* – *набóшник*. Глухой и звонкий согласные появляются в одинаковых фонетических условиях: в сильной позиции перед сонорным. Мена звонких и глухих согласных в псковских говорах объясняется по-разному: влиянием угрофинского языкового соседства либо субстрата [2, с. 46], а также результатом внутреннего развития фонологической системы древнерусского языка [4]. Возникновение фрикативного звука [ш] в лексической единице *рушн́ик* связано с историческими изменениями: после выпадения редуцированного гласного диссимиляция привела к переходу *чн* > *шн* (*ручьн́икъ* > *ручн́ик* > *рушник*). Впоследствии произошла лексикализация фонетического процесса в слове *рушн́ик*. Отмечен один морфонологический вариант, представленный различной родовой принадлежностью (а внутри – типом склонения): *полотенец* – *полотенце* [3].

Говоря о продуктивности фономорфологического варьирования слова в диалекте, О.И. Блинова замечает: в отличие от литературного языка, в говоре вариантными являются широкоупотребительные, стилистически нейтральные слова, обозначающие предметы и явления повседневного обихода [1, с. 100]. Это подтверждают и результаты нашего исследования.

Таким образом, множественность номинации выражена разнородными, но внутренне связанными явлениями. Весь комплекс выявленных средств может быть представлен в виде многоуровневой полевой модели. Центральную часть занимает разнокорневая синонимия. Смежными с ней являются, с одной стороны, составные наименования в роли номинативных единиц, представ-

ляющие расширение слова, зачастую оживляющие внутреннюю форму названия (*боговóй утирáльник*, *утирáльник образнóй*). С другой стороны, модель осложняется словообразовательными синонимами (*вытирáльник* – *утирáльник* – *вытирáльничек* – *потирáха* – *утирка* – *утирáха* и др.), отражающими деривационную компрессию (свертывание словосочетания до пределов производного слова). Однокорневые разноаффиксные синонимы занимают промежуточное, пограничное положение между отдельными словами и вариантами одного и того же слова. Наконец, низший уровень неединичности представлен формальной модификацией самого слова, что выражается в его вариантности, пределами которой признается лексикализация как стремление варианта к функционированию в роли отдельного слова (*рушн́ик*).

Литература

1. Блинова О.И. К вопросу о пределе формального варьирования диалектного слова // Актуальные проблемы лексикологии словообразования : сб. науч. тр. Новосибирск, 1972. С. 99–108.
2. Глускина С.М. Мена звонких и глухих согласных в псковских говорах // Псковские говоры : материалы 3-й Псков. диалектол. конф. 1969 г. Псков, 1973. Вып. 3. С. 35–51.
3. Картотека Псковского областного словаря с историческими данными (хранится в Псковском государственном педагогическом университете и в Межкафедральном словарном кабинете им. проф. Б.А. Ларина при СПбГУ).
4. Колесов В.В. Северновеликорусские чередования согласных, парных по глухости – звонкости // Вестн. ЛГУ. Сер. языка и литературы. Л., 1963. № 2. Вып. 1. С. 103–112.
5. Ларин Б.А. Инструкция Псковского областного словаря // Псковские говоры: тр. 1-й Псков. диалектол. конф. 1960 г. / отв. ред. Б.А. Ларин. Псков, 1962. Вып. 1. С. 252–271.
6. Лебедева А.А. Значение пояса и полотенца в русских семейно-бытовых обычаях и обрядах XIX – XX вв. // Русские: семейный и общественный быт / отв. ред. М.М. Громыко и Т.А. Листова. М. : Наука, 1989. С. 229–248.
7. Новгородский областной словарь / отв. ред. В.П. Строгова. Новгород: НГПИ (НовГУ), 1992–2000. Вып. 1–13 (НОС).
8. Псковский областной словарь с историческими данными / под ред. Б.А. Ларина [и др.]. Л. (СПб.) : СПбГУ, 1967–2009. Вып. 1–21. (изд. продолжается) (ПОС).
9. Рогожникова Р.П. Варианты слов в русском языке : моногр. М. : Просвещение, 1966.
10. Русская изба: внутреннее пространство избы, мебель и убранство избы, домашняя и хозяй-

ВОПРОСЫ ДИАЛЕКТОЛОГИИ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

ственная утварь : ил. энцикл. / под ред. Д.А. Баранова [и др.]. СПб. : Искусство, 2004.

11. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. М. – Л.: Наука, 1965–2007. Вып. 1–41 (изд. продолжается) (СРНГ).

Multiplicity of nomination in the dialectal lexical and semantic system (on the material of the vocabulary of the traditional decoration of a peasant house)

There is regarded the issue of nomination multiplicity in Pskov folk dialects. There are analyzed the nominations of towels as one of the conceptual thematic units of dialectal vocabulary characterizing the inner decoration of a peasant house. The whole complex of expressive means of non-singularity of nomination (synonyms of one root and different roots, compound nominations, variants of words) is shown as a multilevel field model.

Key words: *multiplicity of nomination, nominations of towels, dialectal synonyms, variants, Pskov dialects.*

В.П. БАСКАКОВА
(Волгоград)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ ЯЗЫКА ПРОЗАИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ М.К. АГАШИНОЙ

На материале прозаических текстов сталинградского / волгоградского периода творчества М.К. Агашиной выявлены и проанализированы различные средства реализации приема семантического сужения, придающие языку ее прозы региональные черты.

Ключевые слова: *региональный язык, художественный текст, пространственная локализация, семантическое сужение, топонимы, прецедентные имена, дейктические знаки.*

Региональные исследования в лингвистике сегодня заметно активизируются, включая в поле изучаемых объектов не только диалектные единицы края и лексикографию городов, но и целые тексты, которые обладают региональными чертами и воспринимаются жителями региона как часть культуры края. В свя-

зи с этим внимание многочисленных читателей и исследователей привлекает творчество волгоградской писательницы М.К. Агашиной. Наименее изученным предстает ее прозаическое наследие. Материалом для данной работы послужили тексты сталинградского / волгоградского периода творчества М.К. Агашиной (эссе, очерки, воспоминания, записи разных лет). Основной задачей стало выявление региональных черт языка и стиля писателя.

Вопрос о специфике регионального языка был впервые поставлен учеными в лингвистической географии. Исследователей интересовало соотношение регионального языка и диалекта (Л.И. Баранникова, М.А. Бородин, Л. Вольф, А.И. Домашнев, О.А. Лосева, И.А. Новикова, А. Соммерфельт). М.А. Бородин считает, что региональный язык обладает большей динамичностью по сравнению с диалектным языком, поскольку представляет собой особое звено в цепочке языковых состояний, а также проявление языковых ситуаций; характеризуется большей открытостью системы, большей степенью соприкосновения с литературным языком, даже зависимостью от него [2, с. 32–33]. Термин «региональный язык», или «региолект», предусматривает определенную функционирующую лингвистическую структуру. Вслед за Т.А. Голиковой под региональным языком мы понимаем систему всех языковых механизмов, обеспечивающих порождение и понимание речи (в том числе и письменной) в данном регионе [3, с. 120].

На основе анализа языка прозаических произведений М.К. Агашиной было установлено, что одной из ярких черт, имеющих отношение к проявлению региональной специфики ее творчества, является прием локализации, нашедший отражение в содержании текста и его строении. Этот прием реализуется при помощи активизации механизма семантического сужения единиц текста, актуализирующих в нем значимые смыслы. Под семантическим сужением в общем смысле понимают процесс «уменьшения семантического объема понятия в процессе исторического развития или в контексте речевого употребления» [8, с. 475]. Контекст выступает ключом к прочтению слова: он сужает его значение, выдвигая, динамизируя одни его признаки за счет других, и одновременно расширяет слово, наращивая на него пласты ассоциаций [5, с. 10]. В связи с этим семантическое сужение как прием, использу-